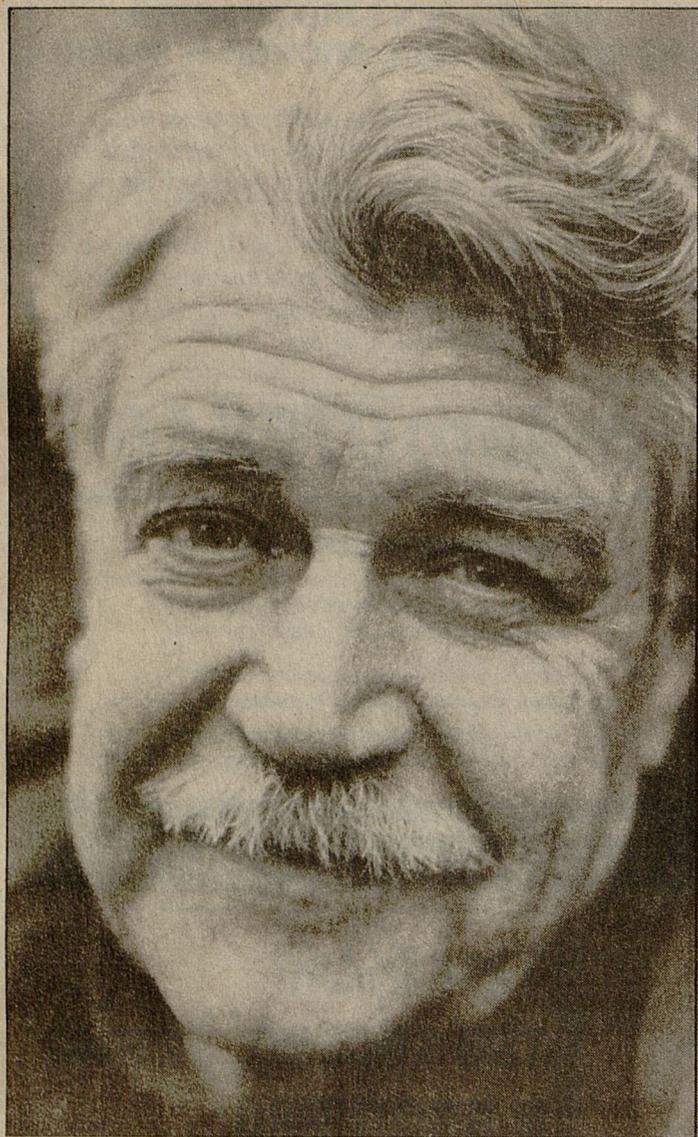

Моск. правда. - 1997. - 15 нояб. - с. 6

«Так молодая буря слушает Бога...»

ЖИЗНИ, ВСТРЕЧИ, УДАЧИ, ОШИБКИ...

Елена КУРБАНОВА

Всеволод Дмитриевич Ларионов - один из моих любимых артистов. В нем тончайшим образом сочетаются изящество мышления, глубина художника и обаяние дон-жуана (да простят меня близкие его сердцу дамы, но без умения покорять женские сердца, хотя бы со сцены, ни один большой художник пока еще не состоялся). Отличительной чертой Всеволода Дмитриевича является чувство юмора. Он обожает розыгрыши, анекдоты и является душой любой компании. Но за всем этим внешним «салонным» слоем скрывается тонкая, впечатлительная, ранимая натура большого Мастера, глубоко задумывающегося о смысле существования и поставившего целью своей жизни Служение Его Величеству Искусству. Перед вами - фрагменты воспоминаний из беседы с артистом почти пятилетней давности, с бережно сохраненной в моем домашнем архиве кассеты. Он так просто рассказывает о далеких событиях своей жизни, а я все время ловлю себя на мысли, что это - уже История...

- Ты назвала меня звездой, а я себя таковой никогда не ощущал. Даже после съемок в главной роли в «Пятнадцатилетнем капитане» или в «Очах черных» у Никиты Михалкова... Хотя после телесериала «Горячев и другие» я почувствовал некую свою «узнаваемость» на улицах. Народ стал подходить, благодарить... На «Кинотавре» был, помню, забавный эпизод. Завтракали вдвоем с известным режиссером и известным актером. Подходят люди, по облику которых сразу можно догадаться, что они являются представителями вполне определенной профессии. Отзываются ребята режиссера и спрашивают: «А кто этот седой человек?» - «А в чем собственно дело?» - «Да тут у нас разборки предстоят. Посоветоваться надо с ним». Мы потом долго смеялись - меня приняли за мафиози.

- Вы рассказывали о том, что работали у Никиты Михалкова. Но ведь вам довелось сняться и у Андрона Кончаловского в «Сибириаде»?

- Да, и именно он порекомендовал меня потом режиссеру Эмилю Лотяну на роль Сергея Дягилева. Он, как мне рассказали, произнес фразу, за которую я ему по сей день благодарен: «Эмиль, не мучайся, есть артист, который сможет сыграть эту роль. Это Сева Ларионов».

- Что для вас значила работа с такими мастерами, как Михалков и Кончаловский? Что наиболее запомнилось?

- Я очень их обоих люблю, Никиту и Андрона... Запомнившийся момент? Рассвет... «Мосфильм», совершенно опустевший. Я присутствовал при сцене, которая навсегда запечатлелась в памяти и тронула глубочайшим образом. Андрон уезжал туда... Тогда казалось, что навсегда. И пришел прощаться с Никитой. Пустой павильон. Только я, но они меня не видели. Они подошли друг к другу, обнялись и так стояли долго-долго. Два талантища. А я? Я плакал... Они? Нет. Ни слез, ни целований. И потом мол-

ча разошлись. Молча... Но все возвращается на круги своя. К счастью.

- А как вы встретились с Сергеем Юткевичем?

- Мне позвонили и сообщили, что для картины «Пржевальский» нужен юный прапорщик. Юткевич тогда только вышел из-под жуткого пресса обвинений в космополитизме. Он был парадоксальным человеком. И я был безмерно счастлив, репетируя с ним. «Но в Китай, - однажды грустно сказал я ему, - я с вами поехать не смогу. У меня отец - враг народа». - «Ну, Севушка, подождите... Там видно будет». Мы поехали в спецотдел. За столом сидел маленький, страшный человечек с орденскими планками, уходящими куда-то под стол. Он был очень жесток в своих вопросах и в своем решении. Через некоторое время я узнал, что вместо меня стали снимать другого артиста. Но вот однажды, во время занятий мне сообщили: «Ларионов, срочно к Берсеневу». Я побежал со всех ног к режиссеру. Он беседовал с Юткевичем. И Юткевич сказал мне: «Ну вот, Севушка, завтра у вас первый съемочный день». - «Как?!» - «Так... Потом, может быть, я кое-что объясню». Когда я приехал на «Мосфильм», группа начала меня качать. Пересняли уже отснятые сцены. Я уехал со всеми в Китай. Я тогда все ходил за ним и говорил: «Чем я могу отплатить вам?» Он был человек саркастический: «Севушка, вы можете сделать мне какую-нибудь гадость». - «Мне бы этого очень не хотелось». - «Тогда вы будете большим оригиналом». Я стал у судьбы просить возможности отблагодарить его.

И такой случай представился. Перед Китаем мы снимали во Фрунзе. Уезжали в пески каждый день, а жили в маленькой гостинице, где начались кражи. У Юткевича украли все, вплоть до лауреатских значков. А за день до этого ко мне в номер пару раз забегал какой-то подозрительный тип и все время спрашивал: «В преферанс не желаете?» Я тогда почему-то подумал на него. Это было, как наитие свыше. Кинулся искать по всему городу, обошел

все злачные места и к утру попал на вокзал. Наверное, мне помогало небо. Он сам выскочил на меня. Его «взяли». И при нем нашли лауреатские значки Юткевича. На рассвете я, счастливый, ворвался в номер к режиссеру: «Сергей Иосифович, я нашел его!» Юткевич спал. Спросонья поцеловал меня куда-то между носом и лбом и, отвернувшись к стене, снова заснул. Мы с ним дружили многие годы.

- Вы упомянули фамилию Берсенев, который был главным режиссером Театра им. Ленинского комсомола. А между тем, ни слова не сказали, что состояли с ним в родственных отношениях...

- Иван Николаевич, художественный руководитель театра, был мужем маминой двоюродной сестры - Софьи Владимировны Гиацинтовой. Это мои учителя. Так же, как и Серафима Германовна Бирман. Я помню, что когда поступал в школу-студию при этом театре, мы все ее жутко боялись. Она стояла на знаменитой ленкомовской мраморной лестнице и кричала нам: «Вас ждут заводы!» (это в том смысле, что в театре из нас все равно ничего дельного не получится...) Великие были артисты.

- В общем, вы - голубых кровей...

- По матушке, по матушке... Я недавно перечитывал ее воспоминания. Я думаю, что она меня простит, если я приоткрою тайну: у нее были даже какие-то радостные личностные отношения с Сергеем Есениным. Среди ее друзей - и Владимир Маяковский. Баратынские, Голицыны, Толстые, Чаадаевы - это тоже наша кровь (не такие уж прямые родственники, но все же). Я не хочу тут вдаваться в подробности, но когда начинаешь углубляться в свои «корни», то понимаешь, что все так намешано и перепутано в этом мире. Прав был Булгаков - «как странно тасуются карты наших жизней, встреч, удач, ошибок»...